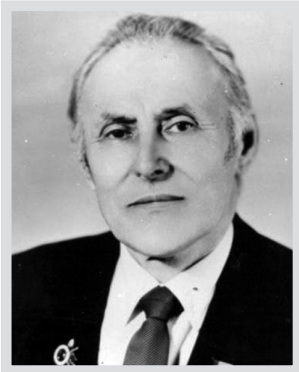

УДК 310

Общественная идеология в свете психоаналитического подхода: концепция Славо Жижека и его школы

Нугаев М.А.

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра перспективных экономических исследований Академии наук РТ

В статье дан критический анализ психоаналитического направления в современной теории идеологии, представленного работами Славо Жижека и его школы. Утверждается, что изменения в понимании содержания и структуры понятия идеологии должны быть с необходимостью связаны с переосмыслением самого субъекта идеологии и отказом от прямолинейных рационалистских теоретических схем. Показано, что для создания адекватной теории генезиса и функционирования общественной идеологии учет психоаналитического аспекта идеологических конструкций не только возможен, но и необходим.

Ключевые слова: общественная идеология, психоанализ, Жак Лакан, Славо Жижек.

Понятие «идеологии» имеет в истории общественных наук трудную судьбу. Начиная с «Элементов идеологии» Антуана Дестют де Траси и принадлежащей классикам марксизма «Немецкой идеологии», споры вокруг содержания, структуры и функций этого понятия не прекращаются. Тезис «конца идеологии» то провозглашается, то отодвигается в сторону под напором данных, свидетельствующих о возникновении очередного массового общественного движения (см., например, [1]).

И в наши дни, каким бы интенсивным ни было воздействие социально-экономических и социально-политических факторов, их учет для объяснения определенных реальных социальных процессов, имеющих место в современном обществе, явно недостаточен. Например, для объяснения так называемых «механизмов торможения» отечественных реформ необходимо привлекать социокультурные явления, иногда (и не всегда удачно) обозначаемые такими терминами как «менталитет», «региональная культура», «национальные традиции», «особенности групповой психологии» и т.д. Кроме того, столь же малопонятны и плохо объяснимы и межэтнические конфликты, число и интенсивность которых стремительно нарастает, взрывы экстремизма с одной стороны, и неуклонно растущий уровень молодежного инфантилизма – с другой.

Во всех этих случаях исследователю приходится допускать наличие интенсивного, но неявного, скрытого, иррационального, постоянно ускользающего от внимания фактора, воздействующего на изучаемые процессы. Если где-то «не работает» сознание, бессильны рациональные объяснения, апелляции к групповым интересам, то там, вероятно, «включаются» индивидуальное и коллективное бессознательное¹.

Если в периоды социальной стабильности, как справедливо отмечает Энтони Гидденс [2], рациональные компоненты сознания вытесняют благодаря «процессам повседневности» иррациональные импульсы на обочину обыденного сознания, то в кризисные времена коллективное бессознательное неизбежно «всплывает» из глубин подсознания, становясь значимым фактором социальной активности. Перефразируя К. Маркса, можно сказать, что коллективные предрассудки, этнические фобии и разнуданные инстинкты, овладевая массами, становятся могучей «материальной силой».

Теоретическая социология, благодаря классическому позитивистскому наследию XIX в. (века так называемого «научного Разума»), на протяжении

¹ Правда, еще сам Фрейд жаловался на то, что бессознательное начинает превращаться в свалку, куда исследователями относятся все непонятные и непознанные явления

второй половины XIX в. особого интереса к категории бессознательного не проявляла. Бессознательное было предметом ряда философских исследований – сначала у Серена Кьеркегора и Артура Шопенгауэра, а затем у Фридриха Ницше и Николая Гартмана. Эпизодически привлекаясь к решению ряда проблем гносеологии или, скажем, свободы воли, оно в качестве систематически действующего социального фактора практически не рассматривалось.

Однако печально известные события XX в. и определенные тенденции начала XXI в. неизбежно привели к пересмотру прежних позиций. Так, фашизм стал рассматриваться учеником Фрейда Вильгельмом Райхом не в качестве атрибута какого-либо класса, а как «сумма иррациональных реакций» среднего человека, в основе которых лежат подавленные садистские инстинкты, всплывающие в условиях кризиса на поверхность. Или, например, известные дискуссии по поводу соотношения обществ «модерна» и «постмодерна» (полемика Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса) во все большей мере вводят понятие бессознательного в научный оборот [3]. Действительно, наиболее бросающиеся в глаза, очевидные ментальные установки общества модерна – «ясность», «понятность», «прозрачность» – «рефлексивность». Но уже для общества постмодерна это – «неопределенность», «фрагментарность», отказ от вечных, неизменных ценностей, неустойчивость, амбивалентность коллективных представлений.

Как следствие распада системы западного и восточного блоков и преодоления последствий «холодной войны», современное общество и культура все более и более начинают жить региональными тенденциями и замкнутыми групповыми идеологиями, которые тем не менее во многом сохраняют массовый и принудительный характер. Социальное бессознательное обнаруживается в нашей жизни в таких явлениях как неизменяемое стереотипное воспроизводство норм, массовое поведение, алгоритмы мышления, символы и, наконец, групповые идеологии.

В отличие от верного сына XIX в. Зигмунда Фрейда, раскрывшего закономерности функционирования «индивидуального бессознательного», заслуга открытия «коллективного бессознательного» принадлежит его ученику, а затем оппоненту швейцарскому психиатру Карлу Юнгу. Это понятие первоначально предполагало психологическую предрасположенность людей, получивших воспитание и образование в рамках одной и той же культуры, сходным образом реагировать на сходные жизненные ситуации (подробнее см. [4]).

Тем не менее предложенное самим К. Юнгом объяснение генезиса и функционирования «архетипов» слишком сильно отдавало мистицизмом². Поэтому

² Чего стоят, например, его утверждения о мгновенном взаимодействии между сознаниями отдельных индивидов, которые могут находиться на расстоянии сотен и тысяч километров

анализ социального бессознательного продолжил, после фроммовских (абстрактно-гуманистских) и маркузианских (более содержательных в социально-политическом отношении) попыток скрестить психоанализ с марксизмом, французский психоаналитик Жак Лакан. Именно ему и принадлежит известный тезис о том, что «бессознательное структурировано как язык». В русле классической французской социологической традиции, заложенной еще Эмилем Дюркгеймом («Формы религиозной жизни»), он учел социальную природу бессознательного за счет плодотворного синтеза классического психоанализа со структурализмом. Неслучайно лакановская версия психоанализа была положена в основу получившего широкую известность пост-марксистского исследования общественной идеологии, проделанного современным словенским философом и психоаналитиком Славо Жижекком [5-12].

Вклад Жижека в теорию идеологии состоит, прежде всего, в раскрытии структурных механизмов, производящих «субъекта идеологии». Для этого сначала он использует механизмы классического психоанализа во фрейдистском варианте, а затем учитывает те поправки, которые вносят его реформаторы (прежде всего в лице Лакана). Согласно Жижеку, именно тщательное изучение концепции Жака Лакана способно пролить дополнительный свет на механизм структурирования действительности идеологическим фантазмом.

Специфика устройства этого механизма и обусловливает общественную идеологию. Идеология в современной ее интерпретации – это отнюдь не эскапистская призрачная иллюзия, возводимая для «бегства от социальной действительности». Наоборот, эта фантазматическая конструкция служит опорой для «социальной действительности». Она структурирует не вымысел, но реальность. Говоря словами самого Жижека, она маскирует «невыносимую, непостижимую сущность», травматическое социальное противоречие, не поддающееся символизации».

С точки зрения современной социальной науки, любая идентификация, наделяющая нас устойчивой социально-символической идентичностью, в конечном счете обречена на провал [13]. Функция идеологического фантазма – скрыть эту неполноту. Идеологический фантазм предназначен для того, чтобы скрыть тот социальный факт, что «общества не существует». Современное общество навсегда рассечено антагонистическими противоречиями и последние не могут быть гармонично объединены единой, самосогласованной символической системой.

Но идеологический фантазм для того и необходим, чтобы создать такое видение жизни, в котором «общество существует как единое целое» с органическими и взаимосогласованными отношениями между частями. Пример – структурно-функционалистская парадигма с ее представлениями об обще-

стве как едином социальном организме. Этот образ является «фундаментальным идеологическим фантазмом», маскирующим целую бездну антагонизмов.

Другой пример – харизматическая власть короля, султана, императора или президента, которая является лишь результатом исполняемого подданными символического ритуала; но это должно оставаться скрытым от простого народа. Подлинный господин должен обосновывать свое господство ссылками на фантазматический, по сути, авторитет (Бога, Богом Избранной Нации, Исторически Прогрессивного Класса и т.д.). Основной трюк лидера состоит в том, что Народа, Класса, Нации, к которым он прибегает для легитимации своего руководящего положения, на самом деле не существует.

Скажем, сильное диссидентское движение в коммунистических странах Восточной Европы носило название «Солидарность»: означающее невозможной полноты общества. Невозможный политический альянс между потенциально антагонистическими слоями общества – консервативными националистами, бизнесменами, католиками, интеллектуалами и рабочими был возможен лишь под флагом именно этого означающего. «Солидарность» и была оптимальным кандидатом на эту роль. Она обозначала «простое» и «основополагающее» единство людей, которое должно связать их по ту сторону политических различий.

Другой классический жижекский пример: «еврей» как средство, с помощью которого фашизм репрезентирует свою собственную несостоятельность. В своей конкретике эта фигура олицетворяет невозможность полного осуществления тоталитарного проекта. Но тоталитаристская идеология заранее знает об этом. Фигура «еврея» – этот способ включения данного знания в свою доктрину. «Еврей» – это фетишистское воплощение некоторого фундаментального тупика фашистской идеологии.

Наличие идеологии является неотъемлемым свойством любой официальной культуры. Идеология – это прежде всего система ценностных ориентаций, которые никогда не совпадают с «социальной реальностью», в которой живут носители этой идеологии. Механизмы, на основании которых действует идеология, на основании которых она принимается сознанием, не попадают в содержание сознания [14]. Но, согласно Жижеку, именно это несовпадение и определяет специфику действия идеологии. Идеология имеет существенно фрейдистскую природу симптома невроза, значение которого не может совпадать с его смыслом.

Идеология – это убеждение, содержание которого не совпадает с истинными побудительными причинами. Она защищает человека от него самого, продвигая знание о себе и окружающем мире. Поэтому утопический момент с необходимостью присутствует во всякой идеологии. Идеология – это форма опре-

деленного фантазма, выражающего действительные цели и намерения большинства. Было бы слишком поспешным осуждать эти стремления как некую «тоталитарную фантазию». Отнюдь не в этом, утверждает Жижек, корни тоталитаризма. Идеологическими эти стремления делает их искажение, «выпячивание», те грязные приемчики, при помощи которых они становятся оправданием господства одного класса, этноса, группы над другими. Правда, для того, чтобы быть эффективной, для того, чтобы успешно охватить общественное большинство, правящая «государственная» идеология должна включать ряд черт, в которых это большинство сможет без труда распознать свои действительные стремления. Или, в терминах современной французской левой социологии, всякая «гегемонистская всеобщность» должна включать, по крайней мере, два особенных содержания – по-настоящему народное содержание, а также его искажение отношениями господства и эксплуатации.

В итоге, согласно С. Жижеку, социальная функция идеологии состоит не в предоставлении в наше распоряжение наркотика для бегства от реальности. Идеология – это матрица, которая регулирует отношения между видимым и невидимым и управляет «производством смысла» в данных конкретно-исторических условиях. Идеология – это процесс производства и воспроизводства практик, основная функция которого – производство и легитимация отношений господства-подчинения.

Согласно С. Жижеку, в критике идеологии существенны следующие два неразрывно связанных друг с другом аспекта – «неклассический» и «постнеклассический»: «1) дискурсивная процедура «симптоматического чтения» идеологического текста, осуществляющая «деконструкцию» наивного восприятия его смысла, т.е. процедура, демонстрирующая, что данное идеологическое поле является результатом монтажа гетерогенных плавающих означающих, результатом их тотализации посредством введения, интервенции определенных «узловых точек»; 2) такая процедура, целью которой является выведение на свет наслаждения, артикуляция того способа, каким (одновременно и извне и изнутри поля значения) идеология включает в себя, использует, производит предидеологическое наслаждение, наслаждение, которое структурируется фантазмом» [15].

Скажем, обращаясь к приведенному выше примеру с антисемитизмом, для критики этой идеологии необходимо сначала выявить «систему символических сверхдетерминаций, которая инвестирована в фигуру еврея». В ее начале находится так называемое «смещение»: репрезентация неустранимого социального антагонизма в виде противоречия между здоровыми социальными силами (представителями так называемой «арийской расы») и силами деструктивными, подрывающими социальный порядок («евреи», «большевики» и т.д.). В итоге получается, что

нездорово не общество само по себе, а лишь конкретная его часть. В дальнейшем «смещение» поддерживается «сгущением» – наделением «еврея» вызывающе противоречивыми характеристиками.

Но для понимания подлинного смысла рассуждений С. Жижека важно то, что рассмотренная выше логика смещения еще недостаточна для того, чтобы объяснить «каким образом фигура еврея захватывает наше желание». Надо рассмотреть то, «каким образом эта фигура вводит схему фантазма и структурирует наше наслаждение». Рассматриваемый в этом отношении фантазм – это экран, скрывающий вакуум, пустоту.

Подведем итоги.

1. Изменение в понимании содержания и структуры понятия идеологии должно быть с необходимостью связано с переосмыслением самого субъекта идеологии в сторону отказа от прямолинейных рационалистических теоретических схем.

2. Учет психоаналитического аспекта идеологических конструкций не только возможен, но и необходим для создания адекватной теории генезиса и функционирования общественной идеологии. Работы Славо Жижека и его школы характеризуют наиболее развитое состояние, к которому пришла современная теория идеологии.

3. С нашей точки зрения, концепция С. Жижека представляет собой не столько законченное произведение, сколько определенный исследовательский проект, научно-исследовательскую программу изучения феномена идеологии. Специфика этого подхода – изучение идеологии не только в контексте современного психоанализа, но и на «стыке» других современных достижений аналитической философии, философии языка, теоретической социологии. Работы С. Жижека не столько решают уже поставленные до него проблемы, сколько предлагают новые, плодотворные пути исследования этого феномена, соответствующие достижениям психологии и современной политологии. Хотелось бы надеяться на то, что рассмотренные работы позволят придать и отечественной исследовательской традиции новый, плодотворный импульс. Вполне возможно, что он приведет к

росту на этот раз уже эмпирических, конкретно-социологических исследований этого социально значимого и сложного социального феномена.

Литература:

1. Mapping Ideology (ed. by Slavoj Žižek). – L.: Verso, 2001.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект. – 2005. – 528 с.
3. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2008. – 416 с.
4. Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005. – 268 с.
5. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Худ. лит-ра, 1999. – 237 с.
6. Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М.: Изд-во «Ад Маргинем», 2002. – 254 с.
7. Жижек С. (ред.) То, что вы всегда хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока). Пер. с англ., слов. М.: изд-во «Логос». – 2004. – 336 с.
8. Жижек С. Ирак: история про чайник. – М.: Праксис. – 2004. – 224 с.
9. Жижек С. Интерпассивность или как наслаждаться посредством другого. – СПб.: Алетейя. – 2005. – 156 с.
10. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М.: Изд-во «Европа», 2008. – 516 с.
11. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. – М.: Изд-во «Европа», 2009. – 336 с.
12. Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. – М.: Изд-во «Европа», 2012. – 476 с.
13. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. – London: Verso Books, 1985. – 315 p.
14. Улыбина Е. Страх и смерть желания. – М.: Модерн-А; СПб.: Академия Исследований Культуры. – 2003. – 320 с.
15. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – URL: yanko.lib.ru/books/philosoph/jijek-vozv_o_ideologii-8l.pdf

Social Ideology in the Light of Psychoanalytic Approach: Slavo Žižek's Concept and His Schools

M.A. Nurgaev

Kazan (Volga Region) Federal University

The paper presents critical analysis of psychoanalytical movement in modern theory of ideology, represented by the works of Slavoj Žižek and his school. The author states that changes in the understanding of contents and structure of the notion of ideology are to be connected with rethinking of subject of ideology and refusal from direct rationalistic theoretical schemes. According to the author, creation of adequate theory of genesis and functioning of social ideology requires taking into account psychoanalytical aspect of ideological constructs.

Key words: social ideology, psychoanalysis, Jacques Lacan, Slavoj Žižek.